

Юлия Бирюкова

Временное высшее церковное управление на Юге России в 1919–1920 годах

КАК ПОСТАНОВЛЕНИЯ ВСЕРОССИЙСКОГО ПОМЕСТНОГО СОБОРА ПРИМЕНЯЛИСЬ НА ЗАНЯТЫХ БЕЛОГВАРДЕЙСКИМИ ВОЙСКАМИ ТЕРРИТОРИЯХ

Творческое воплощение достижений Поместного Собора 1917–1918 годов началось сразу же после того, как его прервали большевики. Ведь далеко не вся Россия тогда контролировалась красными. Уже в мае 1919 года в Ставрополе, несмотря на отсутствие связи с Патриархом и Высшим Церковным Советом, состоялся Юго-Восточный русский церковный Собор. В его задачу входила организация временной высшей церковной власти на территории Юга России, занятой вооруженными силами армии генерала Деникина.

Ранее, 2 (15) февраля 1919 года главнокомандующий Вооруженными силами Юга России генерал Антон Деникин утвердил Положение об Особом совещании — органе, выполнявшем функции совета министров при главнокомандующем. Постановлением Особого совещания от 13 июля 1919 года образовано Управление исповеданий, начальником которого назначен князь Григорий Трубецкой.

Под опекой Врангеля

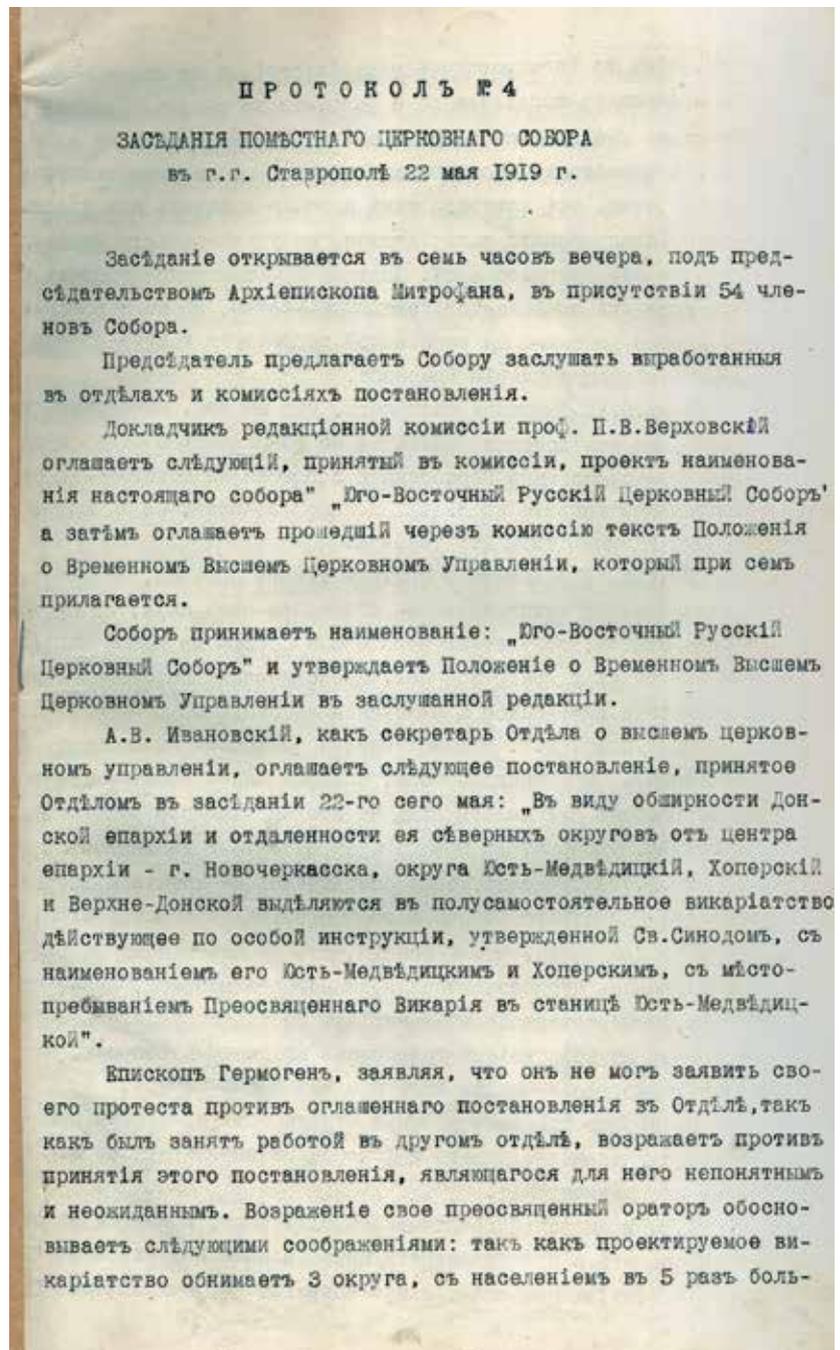
Формально на эту структуру возлагались дела, касавшиеся ведомства православного исповедания в объеме, аналогичном тому, в котором до восстановления патриаршества они подлежали ведению обер-прокурора Святейшего Синода, а также дела инославных и иноверных исповеданий¹. Но взгляды Деникина на положение Церкви в государстве отличались от российской действительности синодального периода. В декларации председателю Особого совещания по вопросу отношений Церкви и государства Деникин ссыла-

ется на постановления Всероссийского Поместного Собора: «В согласии с новыми началами, на которых создается государственная жизнь России, и в соответствии с постановлениями Всероссийского Поместного Собора Православная Церковь свободна и независима в делах своего внутреннего распорядка и самоуправления»². Тем не менее созданное им Управление исповеданий должно было «иметь наблюдение за соответствием постановлений власти Православной Церкви в делах, соприкасающихся с областью государственных и гражданских правоотношений, с существующими общими государственными узаконениями», а также быть посредником в осуществлении государственной материальной поддержки Церкви³. С одной стороны, Деникин учитывал мнение самой Церкви по вопросу своего желательного правового положения в государстве и в общих чертах принимал Соборное определение от 2 декабря 1917 года («О правовом положении Церкви в государстве»). С другой стороны, он считал необходимым создать государственное учреждение-посредник между высшей светской и высшей церковной властями. Тем не менее, по словам профессора, члена Временного высшего церковного правления на Юге России Павла Верховского, декларация Деникина по сравнению с позицией царской власти выглядела новаторской. Он называет этот документ «актом доверия, справедливо заслуженным Церковью за два тысячелетия ее бытия»⁴. Деникин не обозначил формы и методы контроля соответствия распоряжений церковной власти существующему законодательству и разрешения спорных ситуа-

ций. Однако Верховский считал, что и они будут определены в соответствии с постановлениями Поместного Собора — в судебно-административном порядке, а не в виде бюрократического надзора⁵.

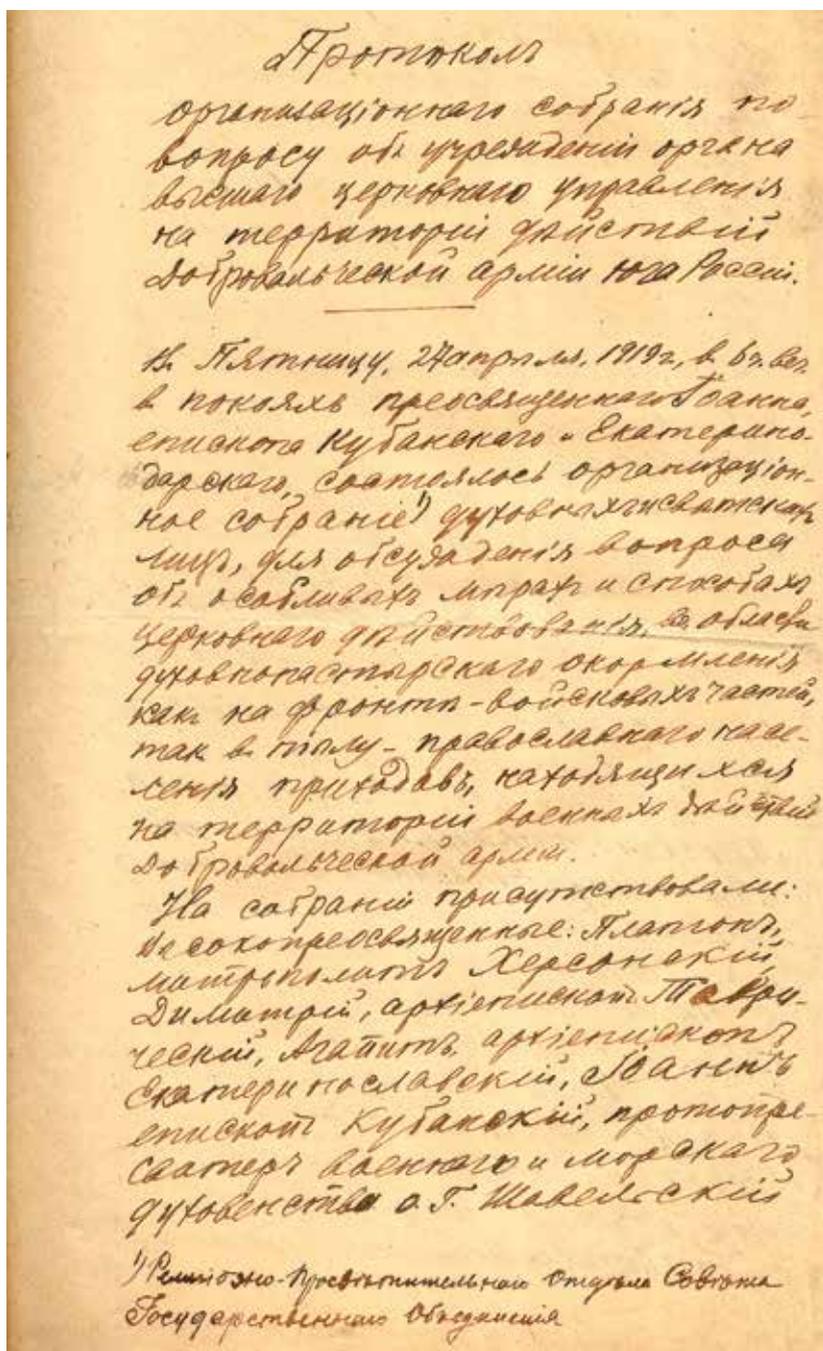
Преемник Деникина на посту главнокомандующего барон Петр Врангель, проводя реорганизацию ведомств и учреждений, запросил Временное высшее церковное управление (ВВЦУ), председателем которого на тот момент был епископ Вениамин (Федченков), о ведомственном подчинении Управления исповеданий. В ответ на письмо управляющего делами совета при Врангеле епископ Вениамин выразил мнение, что учреждения самостоятельного управления исповеданий не требуется. По мнению преосвященного Вениамина, функции этого управления в соответствии с определениями Поместного Собора⁶ вполне могло взять на себя Временное высшее церковное управление. Постановлением Совета при Главнокомандующем Русской армией 14 июня 1920 года Управление исповеданий оказалось упразднено, а решение всех церковных дел возложено на Временное высшее церковное управление на Юго-Востоке России. Инославные исповедания передавались в ведение гражданского управления по Отделу внутренних дел. Три дня спустя это постановление утвердил глава правительства Юга России Александр Кривошеин. Не удовлетворившись этим документом вполне, ВВЦУ попросило Врангеля внести в постановление поправку, что председатель ВВЦУ участвует в заседаниях совета при главнокомандующем не с совещательным, а с решающим голосом. Врангель с этим согласился⁷.

Краевые правительства несколько иначе смотрели на взаимоотношения с церковным управлением. Гражданские власти занятых белогвардейцами Кубани и Крыма признали местные епархиальные советы государственными учреждениями. При этом Крымское краевое правительство ссылается в своих постановлениях по церковному вопросу на документы, выработанные Поместным Собором. В частности, в постановлении Совета министров от 21 февраля 1919 года говорится: «Утвердить прилагаемые при сем штаты Таврического епархиального совета на основании принятого Поместным Все-

российским Собором положения о епархиальном управлении, признав за этим учреждением значение правительственного... С упразднением Духовной консистории оставить в силе действующего закона те статьи устава Духовной консистории, кои не отменены постановлением Поместного Всероссийского Собора...»⁸. Таким образом, на Юге России наряду с выстраиванием новых государственно-церковных отношений проходила и реорганизация епархиального управления — также на основаниях, выработанных Поместным Собором.

Первая страница протокола № 4 пленарного заседания Собора. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 1. Л. 22

Первая страница
протокола
организационного
собрания.
ГАРФ. Ф. Р-3696.
Оп. 2. Д. 4. Л. 17

Ставропольский Собор

Спустя восемь месяцев после прерванного большевиками Собора 1917–1918 годов, 19–23 мая 1919 года, в Ставрополе состоялся Юго-Восточный русский церковный Собор (далее — ЮВРЦС), который должен был решить проблему организации временной высшей церковной власти на территории Юга России, занятой вооруженными силами армии генерала Деникина. Связь с только что избранным Патриархом и Высшим Церковным Советом на тот момент отсутствовала.

Юго-Восточный Собор задумывался как продолжение работы Всероссийского Поместного Собора. На подготовительном этапе Предсоборная комиссия решила именовать Собор «Южнорусским Поместным», однако Собор на пленарных заседаниях взял себе несколько иное наименование — «Юго-Восточный русский церковный Собор», а слово «Поместный» было впоследствии удалено из официального наименования⁹. Тем не менее именно как продолжение Поместного Собора воспринимали Юго-Восточный Собор и общественно-политические силы. Так, Центральный комитет Партии народной свободы выразил надежду, что Собор в Ставрополе «восполнит пробел», образовавшийся после «приостановки» работы Всероссийского Церковного Собора¹⁰.

Находясь под крылом Деникина и пользуясь свободой, Церковь на юге страны получила возможность продолжить реформы, прерванные, а не прекращенные, по ее глубокому убеждению, в центре России. Однако члены ЮВРЦС осознавали обусловленную гражданской войной неполную соборность и претендовали лишь на временную легитимность своих решений. В частности, один из главных организаторов Собора, председатель Предсоборной комиссии протопресвитер Георгий Шавельский, отмечал, что полномочия временной церковной власти после установления связи с Предстоятелем должны быть сразу же переданы Святейшему Патриарху и Всероссийскому Собору¹¹. О том же говорил и епископ Александровский Михаил (Космодемьянский) на открытии пленарных заседаний Собора¹².

В Ставропольском Соборе приняли участие архиереи, духовенство и миряне епархий Юга России: из числа 59 его участников 30 были членами недавнего Всероссийского Поместного Собора. Их полномочия опирались на «Определение Священного Собора Православной Российской Церкви о полномочиях членов Собора 1917–1918 гг.» от 18 сентября 1918 года, согласно которому члены Собора сохраняли полномочия до появления Патриаршей грамоты о созыве нового Собора и имели право на местах участвовать в работе благочиннических собраний как полноправные члены с правом решающего голоса¹³. В состав Ставропольского Собора вошли в основном делегаты от южнорусских епархий,

Юлия Александровна Бирюкова — кандидат исторических наук, доцент кафедры православной культуры и теологии Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиала Донского государственного технического университета в г. Шахты), старший преподаватель Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, президент Некоммерческой организации «Фонд возрождения сельских храмов памяти священномученика Захарии (Лобова)».

содержат 89 упоминаний последнего. Большинство из них представляют собой ссылки на его практику, Устав или определения. На втором заседании Ставропольского Собора было одобрено обращение группы его членов к присутствующим членам Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 годов с просьбой сделать сообщения о его работе, что мотивировалось следующим образом: «Эти сообщения способствовали бы установлению внутренней связи между работой Юго-Восточного и Поместного Соборов»¹⁵.

Труды не пропали зря

Главное деяние Юго-Восточного Собора — учреждение высшей церковной власти — произошло согласно постановлению Всероссийского Поместного Собора об учреждении Высшего церковного управления. На Юге был создан подобный институт, пусть и временный. Особое внимание при этом обращалось на то, что его устройство «необходимо привести в строгое соответствие с конструкцией церковных учреждений, установленных Всероссийским Поместным Собором»¹⁶.

В ходе заседаний Юго-Восточного Собора рассматривались назревшие вопросы церковного бытования (возрождение приходской жизни, духовных учебных заведений, церковная дисциплина), решение которых связывалось с необходимостью рецепции в новых условиях определений Всероссийского Собора 1917–1918 годов. Одной из важнейших реформ в условиях начавшихся гонений, по всеобщему мнению участников Собора, должна была стать реформа прихода. На Поместном Соборе был утвержден приходской Устав, который развивал самостоятельность и права прихода как юридической единицы, — это важнейшее условие организации церковной жизни. На четвертом заседании Предсоборной комиссии протопресвитер Георгий Шавельский отметил: «Всероссийский Священ[ный] Собор дал схему организации прихода. Но выработанный Собором Устав для многих остался неизвестным, приходская жизнь во многих местах пребывает в прежнем положении, не везде образованы и приходские советы. Нужно двинуть вперед приходское дело. Как двинуть, это, может быть, на Соборе, когда все съедутся, будет видно. В этом вопросе важны и местные условия жизни, которые на Со-

боре могут получить всестороннее освещение»¹⁷. Член Кубанского епархиального совета Иван Терещенко также признал необходимым «немедленное опубликование уставов приходских советов и приходов и немедленное проведение их в жизнь, что поможет возрождению церковной жизни»¹⁸. Собор утвердил решения отдела о приходе: образовать приходские отделы при Временном высшем церковном управлении и епархиальных советах; учредить должность приходских инструкторов; распространить приходской Устав, принятый Всероссийским Поместным Собором, но по обстоятельствам времени еще не известный в приходах. Также было решено повсеместно открыть церковноприходские советы (так как они часто отсутствовали) и объединить их в союзы; опубликовать доклад протоиерея Иосифа Никанорова (специалиста по вопросам организации прихода, члена Петроградского епархиального совета) и издать брошюры с практическими советами по организации приходской жизни; организовать периодически созываемые съезды для решения проблем практического применения приходских уставов¹⁹.

Юго-Восточный Собор стремился к наиболее полной рецепции постановлений Поместного Собора. Сомнения в легитимности его решений в условиях утраты связи с Патриархом и Высшим церковным управлением были преодолены во многом благодаря тому, что его участники руководствовались принципами и практикой, выработанными Всероссийским Поместным Собором 1917–1918 годов. Реализация же соборных решений относительно развития приходской жизни началась сразу по окончании Собора. В частности, это прослеживается в деятельности общественной, а затем общественно-политической организации под названием «Союз русских национальных общин» (далее — СРНО). Ее руководитель Василий Скворцов обратился к ЮВРЦС с рассуждениями о государственно-политической роли общины. По его мнению, народ должен быть сплочен союзами национальных общин, что послужило бы делу государственного строительства и подготовило бы народ к выборам в Народное Собрание²⁰. Накануне открытия ячейки СРНО в Ростове «Народная газета» опубликовала статью о приходской общине, в которой автор ссылался на доклад Собору

протоиерея Иосифа Никанорова²¹ о возрождении и развитии приходской общины²².

Союз ставил целью объединить приходы, развить приходскую хозяйственно-экономическую деятельность, организовать приходские кооперативы и пр. Союз провозглашал в качестве своих исключительных задач интересы Церкви, в качестве основной деятельности — пропаганду религиозно-патриотических идей, организацию экономической помощи населению. Через создаваемые им местные союзы общин он воплощал бы в жизнь свои идеи и проекты²³.

Подводя итог сказанному, отметим: оставшаяся за пределами захваченных большевиками территорий (где внедрение в практику постановлений Собора было весьма затруднительно), Церковь жила и мыслила в системе координат, определенных Всероссийским Поместным Собором. Его труды сразу же оказались востребованы. Они помогли церковному управлению и приходам на Юге России принять ту форму, которая дала возможность выстоять в период гонений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Молчанов Л. А. «Мы не дали верующим всего того, что должны были дать» (Временное высшее церковное управление на Юге России) // Белая гвардия: Русская Православная Церковь и Белое движение. М.: Посев, 2008. С. 35; Кандидов Б. П. Церковь и гражданская война на Юге (материалы к истории религиозной контрреволюции в годы гражданской войны). М., 1931. С. 36.

² Деникин А. И. На страже русской государственности: Избранные статьи, речи, письма / Сост. и предисл. А. С. Кручинин. М.: Русский путь, 2014. С. 120.

³ Там же.

⁴ Верховский П. В. Исторический акт // Церковные ведомости. 1919. № 4.

⁵ Там же.

⁶ Кандидов Б. П. Указ соч. С. 46–47.

⁷ Там же. С. 47.

⁸ Документ опубликован в книге: Кандидов Б. П. Указ. соч. С. 45.

⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 1. Л. 5–7.

¹⁰ О поместном Соборе // Свободная речь (Екатеринодар). 1919. № 112. 25 мая (7 июня).

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 1. Л. 21.

¹² Там же. Оп. 2. Д. 4. Л. 4 об.

¹³ Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Вып. 4. № 3. С. 9.

¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 1. Л. 11–11 об.

¹⁵ Там же. Л. 96.

¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 2. Д. 4. Л. 39.

¹⁷ Там же. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

¹⁸ Там же.

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 2. Д. 4. Л. 34 об.

²⁰ Там же. Л. 45.

²¹ Там же. Л. 69–69 об.

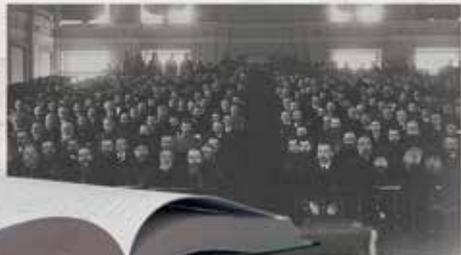
²² Народная газета. 1919. № 96. 26 июля.

²³ ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 8. Л. 2.

ДОКУМЕНТЫ СВЯЩЕННОГО СОБОРА ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ 1917-1918 гг.

**НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ В 36 ТОМАХ ТРУДОВ
КРУПНЕЙШЕГО В ИСТОРИИ РОССИИ СОБОРА,
ВОССТАНОВИВШЕГО ИНСТИТУТ ПАТРИАРШЕСТВА**

**Приобрести:
www.nsmbooks.ru
+7 495 676 6837**

Впервые издаются полные стенограммы пленарных заседаний Собора;
Материалы работ соборных отделов, содержащие ответы на актуальные сегодня проблемы;
Протоколы Соборного Совета, Совещания Епископов;
Соборная переписка;
Собор в зеркале прессы и мемуаров;
Полный справочный аппарат и иллюстрации.

К 100-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ (2017-2018)

Обсудить темы Собора: /vk.com/prosobor1917